

Источник: Из школьных лет Антона Чехова

Дата выпуска: 1962

Заглавие: В греческой школе

Автор: Ал. Чехов

I

Греческая школа содержалась на доброхотные пожертвования богатых греков-меценатов (*Меценат - любитель и покровитель искусств, образования. Слово это происходит от имени римского богача Гая Мецената (I век до н. э.), оказывавшего помощь поэтам Вергилию и Горацию*). Тратя ежегодно несколько десятков тысяч на итальянскую оперу и на симфонический оркестр, они милостиво уделяли около тысячи рублей на школу. Обучались в ней главным образом дети шкиперов, драгилей, матросов, мелких маклеров (*Маклер - посредник в торговой сделке*), греков-ремесленников и вообще лиц низшего ранга. Негоцианты (*Негоциант - купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с чужими странами*)-меценаты и мало-мальски достаточные купцы детей своих сюда не отдавали и к самой школе относились брезгливо. И, пожалуй, не без основания: ученики представляли собою «смесь одежд и лиц». Один, по бедности родителей, являлся в класс без всякой обуви, босиком, другой - в изорванной и вымазанной бог весть чем рубахе, третий - со следами уличной битвы, и только очень немногие были одеты более или менее прилично. В большинстве случаев это были «уличные мальчишки», изощрившиеся в кулачных боях и всякого рода подвигах и шалостях, свойственных детям, оставляемым без призора. Любимым занятием большинства было шататься по гавани среди выгружаемых иностранных товаров и воровать из ящиков, бочонков, кулей и мешков рожки, орехи, винные ягоды, апельсины и лимоны. За это им, что называется, «влетало» от драгилей и хозяев товара, и многие из них являлись в школу с выдернутыми вихрами, распухшими от пощечин физиономиями, сильно надранными ушами, а иногда и со следами той экзекуции, которая мешает наказанному сидеть.

Школа состояла из пяти классов. Кроме того, был еще и шестой - нечто вроде приготовительного: в нем малыши начинали с греческой азбуки. В первом классе ученики учились читать и писать, а в пятом изучали греческий синтаксис и историю Греции. Это была высшая премудрость, дальше которой учение не шло. В младших классах обучались мальчуганы, начиная от шести лет, а в самом старшем - пятом - заседали на партах молодцы лет девятнадцати и двадцати, очень мало помышлявшие о школьной премудрости.

Судя по этому короткому описанию, о греческой школе можно составить себе представление как о заведении обширном и с довольно широкой программой преподавания. Но это было бы ошибкой. Все шесть классов помещались в одной комнате, и во всех них занимался только один учитель - кефалонец (*Кефалонец - уроженец острова Кефалония, в древности принадлежавшего грекам, потом римлянам*) Николай Спиридонович Вучина, или - как он сам называл себя - Николаос Вутсинас.

«Как же это, - спросят нас, - шесть классов в одной комнате? И как мог учитель одновременно исполнять свои педагогические обязанности в нескольких классах? Не разрывался же он на части?!»

Дело объясняется просто. В большой комнате стояли пять рядов длинных черных, грязных и изрезанных ножами школьников парт. В начале каждого ряда этих парт возвышался черный шест и на верху его - черная же табличка с римскою цифрою от I до V. Это и были классы. В каждом классе велось свое отдельное преподавание. Но если по каким-либо обстоятельствам в каком-либо классе становилось тесно, то учитель, не задумываясь и не соображаясь с познаниями, переводил учеников в другие классы, где места было больше. Справлялся же Вучина со своим трудным преподавательским делом очень легко: он ничего не делал и только дрался и изобретал для учеников наказания. В этом и заключалось все преподавание. В настоящее время существование подобного учебного заведения было бы немыслимо, а тогда оно было, не только возможно, но даже и в порядке вещей. Шкипера и драгили отдавали своих детей в эту школу не столько для обогащения ума книжной наукой, сколько

для того, чтобы они не баловались и не мешали дома. Одни только наивные люди и меценаты могли верить в то, что в этой школе ребенок мог чему-нибудь научиться.

К числу таких наивных людей принадлежал и Павел Егорович. Не зная ни языка, ни программы школы, ни ее порядков, ни внутренней ее уродливой жизни, он в простоте душевной верил, что если его сын научится греческому языку да еще вызубрит какой-то таинственный греческий синтаксис, то дорога этому сыну в заманчивую контору Вальяно или Кондоянаки будет открыта наверняка и настезь.

Коля и Антоша после молитвы «о еже хотящим учиться» торжественно были отведены в греческую школу. Кефалонец, потирая от удовольствия руки, тут же занес в списки учеников два новых имени: «Николаос Тсехоф» и «Антониос Тсехоф».

Оба брата ходили в школу вместе, оба тянули в ней бесполезную лямку, и оба испытывали те прелести, о которых речь впереди.

II

У греков нет звуков «ж», «ч», «ш» и «щ». Поэтому Антон Павлович Чехов превратился, как уже сказано, в Тсехофа и так и ходил под этою кличкой до самого выхода из школы. Товарищами его оказались ученики тоже с не особенно удобоваримыми фамилиями: Вогазианос, Ликиардопулос, Фекиакис, Ликакас, Макрас, Антонопулос и т. д. В большинстве случаев это были: Герасимы, Спиридоны, Георгии, Евлампии и Константины. Николаи и Иваны встречались значительно реже. Все это был типичный черномазый и горбоносый народ. Будущий русский писатель сразу очутился в каком-то новом и чуждом по нравам и языку мире. Кругом него говорили все по-гречески, задавали вопросы по-гречески и отвечали на его русские вопросы тоже на этом языке. Очутившись столь неожиданно в этой чуждой среде, Антон Павлович - как он сам рассказывал после - сразу опешил и струсил, и это чувство страха значительно возросло в нем после того, как один из учеников пятого класса, Елефтериос Дикиакис, подойдя к нему, для первого знакомства взял его за чуб и пребольно стукнул носом о парту.

Учение началось с того, что Николай Спиридонович, проведив с поклонами Павла Егоровича до дверей класса, посадил обоих новых учеников на самую первую скамью, то есть в приготовительный класс, положил перед каждым из них по тоненькой книжечке под заглавием: «Неон Алфавитарийон», то есть «Новая азбука», и сказал:

- Завтра нада приносить за каздая книзка 20 копеек. Скажите это васа папаса. А типер вазмите книзка и уцыте: альфа, вита, гамма, дельта, эпсилонь...

Преподав такое наставление, Николай Спиридонович заложил руки в карманы панталон и медленно отправился в свою жилую половину, которая отделялась от класса одной только дверью. По дороге он заметил, что два ученика третьего класса - Ликиардопулос и Пиратис - не смотрели в книжку, а о чем-то оживленно спорили между собою, и тотчас же принял меры. Взяв каждого ученика за чуб, он несколько раз стукнул их головы висками друг о друга и, выбранившись на греческом диалекте, пошел далее.

Пока он проходил по классу, вся школа, состоявшая из шестидесяти или семидесяти учеников, прилежно читала и зубрила; но лишь только он скрылся за своею дверью, как сразу же поднялся громкий говор и затеялась возня. Молодые силы, насильственно запертые в четыре стены и предоставленные самим себе, рвались наружу. Тут были прыжки и зуботычины и всякого рода шалости. Учитель не показывался часа полтора и только два раза, когда шум в классе делался уж очень громким, грозно стучал в свою дверь изнутри. Тогда сразу все смолкало и затихало, и среди учеников пробегал трусливый шепот:

- Дидаскалос! Дидаскалос! (Учитель!)

Время приближалось к полудню. Новички, братья «Тсехофы», уже успели к этому времени и натерпеться от своих товарищей всяких толчков и пинков, проголодаться, но заданного урока не выучили. Оба они тупо смотрели в свои книжки и ровно ничего не понимали в мудреных буквах греческой азбуки. На их грустное положение не откликнулся никто.

Наконец вышел из своей двери учитель. Все затихло и замерло.

- Встаньте и читайте молитву! - скомандовал он по-гречески.

Ученики быстро поднялись и, стоя на своих местах, оборотились лицом к задней стене, близ которой висела в углу крохотная, едва заметная иконка.

- Спиридон Фекиакис, читай сегодня ты! Вызванный ученик прочел по-гречески «Отче наш» и еще какую-то молитву в стихах. На половине этой второй молитвы учитель остановил его бранью, вовсе не соответствовавшей религиозному настроению, грозным окриком:

- Врешь! Не так! Герасимос Вогазианос, читай ты! Второй ученик dokonчил прерванное чтение. Пока он читал, глаза учителя метали искры на Фекиакиса, который проштрафился ошибкою в молитве.

- К полукругам! - раздалась команда.

Ученики вылезли из-за парт, и каждый класс, за исключением самого старшего, пятого, направился в свой определенный угол. В углах были устроены особые педагогические приспособления. От одной стены до другой на высоте аршина от пола шла выгнутая дугой железная круглая полоса, отмежевывавшая четверть окружности, центр которой находился в самом углу. Ученики разместились у этих полос снаружи, лицами в угол и спинами к середине комнаты. Когда это было сделано, учитель вызвал четырех учеников старшего класса и отправил их по одному в каждый угол. Эти старшие ученики, очень польщенные оказанным им почетом, пролезли под полосами в пространство между углом и железом и, очутившись лицом перед младшими товарищами, тотчас же приняли важную и строгую осанку и начали спрашивать уроки.

В классной комнате, у передней стены, лицом к партам стояла на возвышении полукруглая черная деревянная кафедра со стулом внутри. Вокруг этой кафедры стояли полукругом ученики пятого класса - здоровенные великовозрастные молодцы, - а на стуле поместился учитель. Здесь тоже началось спрашивание уроков. Но перед этим провинившемуся во время молитвы Спиридону Фекиакису было сделано должное внушение. Кефалонец подозвал его к кафедре и, держа в руке толстую линейку, приказал по-гречески:

- Протягивай руку!

Фекиакис заревел.

- Протягивай руку! - уже грозно крикнул Вучина.

Виноватый, не переставая реветь, робко и опасливо протянул руку ладонью вверх. Началась игра кошки с мышкой. Кефалонец взмахивал линейкою в воздухе, с удовольствием нацеливался ею и делал вид, что хочет ударить по ладони. Фекиакис всякий раз нервно отдергивал руку назад, но, повинувшись новым грозным окриком, должен был протягивать ее снова вперед. Наконец, вдоволь натешившись, Николай Спиридонович отсчитал несколько очень горячих ударов, от которых не только покраснела, но и вспухла ладонь, и отослал плачущего ученика на место.

Занятия в углах тянулись около часа. У учеников, в том числе и у обоих новичков, давно уже устали и отекли ноги. Занимавшийся с приготовительным и с первым классом старший ученик прямо объявил на русском языке Антону Тсехофу:

- Ты, свиня, ницево ни знаис. Ты - новый. Тебе я ни буду спросить урока.

Уроки во всех четырех углах были уже давно спрошены у всех, и ученики с томлением поглядывали на кафедру. Там трое верзил старшего класса стояли на полу на коленях, а Николай Спиридонович, сидя на своем стуле и положив каблук правой ноги на колено левой, молчал, ковырял перышком в зубах и с равнодушием плотно позавтракавшего и сытого человека глядел раздвоенным и ничего не выражающим взглядом на окно, сквозь которое был виден кусочек моря, противоположный берег залива и над ним - полоска голубого, безоблачного неба. Созерцание это, должно быть, очень нравилось ему, потому что прошло еще довольно много времени, прежде чем он вышел из забытья, очнулся и скомандовал:

- Маршировка вокруг класса!..

Ученики, начиная с самых младших, потянулись гуськом вдоль парт. По мере того как они, выстукивая ногами, подвигались вперед, к ним присоединялись постепенно ученики из прочих углов, и в конце концов к самому хвосту присоединился и пятый класс, за исключе-

нием тех, которые стояли на коленях. Они так и остались стоять. Марширующие, стуча, как лошади, обошли вокруг парт три раза и затем, опять-таки по команде, уселись по местам.

- Достаньте ваши тетради и пишите чистописание! - последовал приказ.

У новичков еще не было ни тетрадей, ни перьев - и они остались сидеть сложа руки. Прочие же ученики, без различия возрастов и классов, достали тетради, гусиные перья, чернила и греческие прописи и принялись за работу. В воздухе повис скрип более полусотни перьев. Вучина, окинув комнату строгим взглядом, ушел опять к себе. Вместе с его уходом прекратилось и чистописание. Но возни и драк уже не было. Ученики были утомлены и голодны. Одни, чтобы убить как-нибудь время, действительно царапали перьями по бумаге, а другие просто сидели, уныло повесив головы или положив их на парты.

Время тянулось бесконечно долго. У мелковозрастных мальчуганов приготовительного и первого класса от голода и от истомы на лицах выступила бледность. Но до этого дела не было никому. Где-то на половине учителя часы наконец пробили чуть слышно три, и только тогда на пороге входных дверей показалась растрепанная и грязная фигура хохлушки-кухарки и повелительно произнесла:

- Ходить до дому! Миколай Спиридонович вилив, щоб вы тикали до дому!

Ученики гурьбою и с шумом, давя друг друга в дверях, бросились в обширную переднюю, где висело верхнее платье, и быстро разбежались. В классе остались только печальные колена-преклоненные фигуры трех старших учеников. Они были оставлены без обеда на неопределенно долгое время, потому что Николай Спиридонович после своего обеда имел обыкновение-спать и просыпался в разное время - когда бог на душу положит...

Истомленные и голодные братья с трудом доплелись до дома. У обоих от пережитых ощущений так болели головы, что они ничего не могли есть. Первый визит в школу произвел на них далеко не веселое впечатление.

- Надо будет давать детям с собою по куску хлеба, - решила с материнскою заботливостью Евгения Яковлевна и, покачав грустно головою, прибавила: - Право, лучше было бы их в гимназию отдать, благо она - под боком. А с этой школой от одной ходьбы можно захворать. Шутка ли, ходить каждый день такую даль - к греческой церкви... Тут и у взрослого ноги заболят...

III

Николай Спиридонович Вучина, или - в греческом произношении - Николаос Вутсинас, по его собственным словам, родился в Кефалонии и в Россию прибыл «без панталонии» искать счастья, которое никак не давалось ему в руки на родине. Получил ли он хоть какое-нибудь образование - осталось навсегда тайною. Точно так же никто из таганрожцев не знал, когда и в каком виде он вступил впервые на русскую землю. Все узнали его уже прямо учителем греческой школы, точно он именно учителем, а не кем другим свалился прямо с облаков.

Это был высокого роста рыжий, бородатый типичный грек с резкими и угловатыми движениями, способный быстро воспламениться, свирепо вращать белками глаз и изрыгать на своем родном наречии всякие отборные словеса. По крайней мере, школа наслушалась этих словес достаточно. Весьма возможно, что в душе он, может быть, был и добрым человеком, но невоспитанность и темперамент делали его подчас очень жестоким. Это тоже многие ученики школы испытали на себе. Учитель он был вообще плохой, с весьма узким кругозором и почти с полным отсутствием преподавательской жилки. Глядя на него и на его занятия в школе со стороны, можно было подумать, что он несет на своих плечах бремя преподавательских забот только потому, что это самое бремя возложено на него его покровителями-меценатами. Если бы его, когда он был еще «без панталонии», посадили в какую-нибудь хлебную контору, то он и там чувствовал бы себя так же, как чувствовал в школе. Был бы лишь обеспечен кусок хлеба.

Все-таки при всей своей ограниченности он был достаточно умен для того, чтобы держаться за этот кусок как можно крепче. Перед меценатами он преклонялся и лебезил; роди-

телей уверял, что их дети учатся прекрасно, умел с увлечением потолковать о синтаксисе, о величии современной Греции и о великодушии и благородстве меценатов и самыми лучшими воспитательными средствами считал оплеухи, щелчки по - головам и чуть ли не инквизиционные приемы. Одною из самых несимпатичных сторон его характера было то, что, наказывая ученика, он увлекался, входил во вкус и даже наслаждался страданиями своей жертвы.

Занимался он с учениками очень мало и старался сводить все преподавание к раз навсегда установившейся форме и к установленному числу часов в сутки. Ученики должны были высиживать ежедневно от 9-ти до 3-х, а вопрос об их успехах интересовал его мало. Изредка он подсаживался к какому-нибудь ученику и спрашивал его урок. Но так как учеников было около семидесяти, а он был один, то и не было никакого дива в том, что какой-нибудь Герасимос Магулас или Александрос Ликакас по четыре и по пяти месяцев сидели над одной и тою же страницей раскрытого учебника, нисколько не подвигаясь вперед.

На второй день своего поступления братья Чеховы явились в школу с книжками и двумя двугривенными за них, но без знания греческой азбуки. Учитель подсел к ним, как к новичкам, и, увидев, что ни один из них не усвоил названий: альфа, вита, гамма, дельта и т. д., сокрушенно проговорил:

- Ни знаишь урок... Ни харасо, ни харасо!.. Нада уцйца (учиться)...

Высказав это соболезнование, он отошел к другим ученикам и ровно две недели не обращал никакого внимания на новичков, а те столько же времени тупо просидели над раскрытыми азбуками. Просветил их помощник Вучины - некто Спиро.

По ремеслу Спиро был маклер по хлебной части и справлял кое-какие поручения греческих купцов. Являлся он в школу довольно редко и занимался с учениками то арифметикой, то греческим чтением, то чистописанием. Урок арифметики заключался в том, что он всей школе сразу задавал задачи на правило сложения и далее этого правила не шел. Человек он был добродушный, но небогатый образованием и весьма скверно говорил по-русски. Ему-то Николай Спиридонович и поручил заняться с двумя новичками. Благодаря лишь ему они кое-как сладили с азбукою, но поладить с своеобразным произношением буквы «фита» не могли никак. Их русские рты не поддавались греческой ломке и не повиновались. Спиро доходил в своем усердии чуть не до белого каления, оттягивал своим большим пальцем нижнюю губу Антона Павловича книзу и приказывал:

- Полозй языка на зуба и скази: фита!..

Как ни силился злополучный новичок совладать с греческим произношением - ничего у него не выходило. Спиро бился, бился и бросил. Братья Тсехофы были опять на несколько месяцев брошены и предоставлены самим себе. В школу они ходили аккуратно, каждый день до утомления высиживали положенное число часов, но к концу первой половины академического года дальше чтения слогов не ушли.

За этот промежуток времени Павел Егорович, чтобы осведомиться об успехах своих сыновей, один раз побывал в школе.

- О, васи сины харасо, дазе оценъ харасо уцица! - доложил ему Николай Спиридонович.

Павел Егорович, ничего не смысливший в греческом языке, поверил на слово и ушел домой вполне успокоенный и довольный. Ему по дороге уже грезилась где-то на горизонте, в туманной дали будущего, места в конторах: он в мечтах уже видел своего Колю в конторе у Вальяно, а Антошу - в конторе у Скараманга...

Вучина же, чтобы еще более укрепить отца в уверенности, что его дети преуспевают, в тот же день выдал каждому из них по награде. Это были маленькие четырехугольные листочки зеленоватой бумаги, называвшиеся «вравион» (от слова: «браво»). На этих листочках по-гречески были напечатаны прилагательные, обозначающие разные добродетели. Коля принес домой листочек с надписью: «эвсейс», то есть «благочестивый», а Антоша - «эпимелйс», то есть «прилежный». Павел Егорович показал эти награды своим лавочным завсегдатаям, и те поспешили уверить его, что он прекрасно сделал, что отдал детей в школу, а не в гимназию и что лучше греческой школы в Таганроге ни единого учебного заведения нет.

IV

В тот самый день, когда Павел Егорович посетил школу, Коля и Антоша, вернувшись домой, рассказали за вечерним чаем, что учитель поставил на колени ученика Фекиакиса. Но на этот рассказ ни Павел Егорович, ни Евгения Яковлевна, занятые своими мыслями и делами, не обратили особенного внимания. Евгения Яковлевна мельком лишь осведомилась, за что именно ученик был наказан, и, узнав, что у него был найден табак, нравоучительно проговорила:

- И за дело. Рано ему еще курить... Смотрите, вы у меня не курите, когда вырастете...

На деле же в школе произошло следующее событие. За полчаса до прихода Павла Егорыча Вучина с каким-то особенным выражением лица и особенной походкой хищного зверя направился прямо к парте пятого класса и, схватив семнадцатилетнего Фекиакиса за шиворот, молча приподнял его на ноги и приказал:

- Покажи пальцы!

Застигнутый врасплох, Фекиакис покраснел и в один миг спрятал обе руки за спину, но учитель круто вывернул их, разжал сомкнутые в кулаки пальцы, внимательно осмотрел их и грозно крикнул:

- Фумарис, анафема-су! (Ты куришь, анафема!)

- Охи! Ма то фео охи! (Нет! Ей-богу, нет!) - ответил струсивший ученик и в ответ получил два полновесных удара по лицу.

- Показывай карманы! Дьявол!

И, не давая малому пошевелиться и опомниться, учитель быстро обеими руками залез ему в карманы панталон и свирепо выворотил их наружу. Из карманов посыпались гвозди, обрывки веревочки, камешки, пробки и корка хлеба, но табаку в них не оказалось. Вучину это нисколько не смутило.

- Показывай, анафема, карманы сюртука!

На обыскиваемом был надет старый, поношенный сюртук с отцовского плеча, застегнутый на пуговицы доверху. Услышав приказ учителя, Фекиакис сильно смутился и судорожно прижал обе руки к пуговицам.

- Ага! - вскричал с торжеством Вучина. - Прячешь!

Ударив малого кулаком по рукам, он одним резким движением расстегнул сюртук и распахнул его. Фекиакис смутился еще более и громко заревел, призывая всю Вселенную в свидетели, что он не курит. Распахнутый сюртук обнаружил перед всем классом тайну бедняка: на нем совсем не было сорочки и только на шее был повязан сложенный в несколько раз коленкоровый женский головной платок. Но учителя эта нагота не смутила нисколько. Он храбро залез рукою во внутренние боковые карманы, но и тут потерпел неудачу: рука его свободно провалилась под подкладку до самого низа фалд. Карманов в сюртуке не было: были только одни бездонные дыры. Таким же манером были обысканы и задние карманы, но и там оказались такие же дыры.

С лица учителя сразу сбежало уже заранее приготовленное торжествующее выражение, и он уже начинал чувствовать себя неловко перед всеми учениками, с любопытством и страхом следившими за происходившей сценой. Но вдруг его осенила счастливая мысль, и на лице показалось прежнее выражение. Он, как коршун, набросился на шейный платок Фекиакиса, быстро развязал узел, сдернул с шеи и, разложив у себя на колене, стал разворачивать его складки. Фекиакис побледнел.

Увы! В складках платка оказался табак и папиросная бумага. Учитель с неописуемым торжеством поднял эти трофеи театральным жестом вровень со своей головой и показал всему классу, как будто желая оправдаться в произведенном насилии и обыске.

- Принесите лестницу! - скомандовал он.

Двое услужливых учеников-подхалимов, вскочив со своих мест и сбивая от усердия друг друга с ног, бросились опрометью вон из класса и через полминуты не без труда приволокли из кухни переносную стоячую лестницу о трех ступенях, с помощью которой кухарка закры-

вала у печей вьюшки. Привычным движением лестница была установлена на середине комнаты, перед кафедрой.

- На колени, на вторую ступень! - скомандовал учитель инквизиторским (*Инквизиторский; инквизиция - средневековый церковный суд, отличавшийся крайней жестокостью к подсудимым*) тоном.

Фекиакис, застегивая застенчиво пуговицы сюртука, пошел молча к лестнице, понурился головой, как приговоренный к смерти, и стал коленями на вторую ступеньку.

- Подайте штрафные дощечки!

Те же двое подхалимов, радуясь возможности прислужиться, сбегали в комнату Вучины и вернулись оттуда с двумя черными дощечками, сквозь которые были продеты шнурки. На одной из них учитель собственноручно написал мелом: «Курит», а на другой - бранное слово. Одна из дощечек была повешена Фекиакису на грудь, а другая - на спину. Окончив эту процедуру, учитель отошел на несколько шагов назад, и любовался фигурой казнимого.

- Этого мало, - произнес он. - Принесите из кухни кочергу!

Кочерга была принесена и подана.

- Принесите из моей комнаты с рукомойника полотенце!

Полотенце было подано, и с помощью его кочерга была повешена за спиною наказуемого наподобие солдатского ружья. Вучина любовался и этой картиной. В глазах его уже стало мелькать увлечение.

- Подними, анафема, правую руку кверху и, не переставая, двигай указательным пальцем! Теперь ты будешь знать, как курить...

Сгибать и разгибать непрерывно палец - это чисто инквизиционная пытка. В этом каждый легко может удостовериться на опыте. Несчастный Фекиакис уже через пять минут со страданием на лице опустил отекающую и омертвевшую руку; но кефалонец дал виновному подзатыльник и собственноручно придал руке прежнее положение.

Прошло еще несколько минут. Обессилевшая рука три или четыре раза опускалась, но учитель неумолимо поднимал ее опять вверх.

- Можете меня убить, но я дольше не могу держать, - проговорил со стоном Фекиакис.

- Врешь, анафема! Я тебя научу курить...

- Дидаскале! (Учитель!) Кто-то идет! - заявил один из учеников, показывая на двор рукою.

Вучина выглянул в окошко. По двору по направлению к школе шел Павел Егорович.

- Убирайся вон, скотина! Садись на место! - крикнул Вучина Фекиакису.

В один миг исчезли и кочерга, и штрафные доски, и лестница. Фекиакис сидел на своем месте и потряхивал онемевшей рукой. Николай Спиридонович в это зремя стоял уже около двери с самой приветливой улыбкой и, потирая от удовольствия руки, встречал входящего Павла Егоровича:

- Оценить приятно! Оценить приятно! Позалуйте... Бакорнейсе прасу...

V

Наступили рождественские вакации (*Вакации - каникулы*). У Павла Егоровича вечером на рождественских святках собрались гости, и ему вздумалось прихвастнуть перед ними познаниями своих детей в греческом языке. Он позвал Колю и Антошу и велел им принести свои книжки и прочесть что-нибудь при гостях. Гости изъявили желание послушать и, как водится, приготовились заранее похвалить из вежливости прилежных мальчиков. Но вместо ожидаемого эффекта получилось полное огорчение для родительского сердца. Коля еще кое-как прочел по складам два слова, а Антоша не мог сделать даже и этого и только пыхтел от напряженных усилий прочесть. Павел Егорович был поражен.

- Полгода ходите в школу, а даже и читать не научились?! - воскликнул он.

- Нам в школе никто не показывает, - ответили мальчики.

Начались на эту тему разговоры. Павел Егорович обвинил детей в лени и тут же, при гостях, сделал им выговор. Коля и Антоша ушли спать в слезах. Ночью Антоша во сне вздрагивал и часто просыпался. Ему припомнилось происшествие с учениками Константином Пи-

ратисом и Александром Ликацасом. Оба эти мальчугана одно время неисправно посещали школу и не являлись в класс дня по три. Учитель отмечал их в журнале отсутствующими, думая, что они больны.

Вдруг в один прекрасный день отворяется дверь классной комнаты, и в нее входит дюжий, грубый матрос и вводит за шиворот обоих учеников. Войдя, он первым делом бросает под ноги удивленному Вучине горсть орехов и несколько рожков и затем раздражается погречески целым потоком упреков:

- Разве я затем посылаю к тебе в школу своего племянника Константина, чтобы он шлялся по гавани и крал из мешков орехи и рожки? Разве, Никола, я тебе за это деньги плачу? Я тебе плачу свои кровные, трудовые рубли за то, чтобы ты учил его и смотрел за ним, а ты его выпустил так, что я сейчас лично сам поймал его вместе с этим мальчишкой в гавани за кражею... Если ты не накажешь его, то накажу я сам. Я имею на это право: я - его дядя. Вели подать хорошую веревку!..

Вучина побледнел от этих упреков и разозлился. Заворочав белками, он, в свою очередь, наговорил матросу колкостей и упрекнул его возражением, что не школа сделала его племянника вором, а домашнее воспитание. Два грека сцепились.

- Поддай хорошую веревку! - настаивал матрос. - Этого, другого мальчишку наказывай ты, потому что он мне чужой, а племянника я выдеру сам. Поддай мне веревку!..

- Принесите веревку! - приказал учитель.

Но никто из учеников не шевельнулся. Весь класс, предчувствуя недоброе, стал бледен. Не шевельнулись даже и всегда готовые к услугам ученики-подхалимы. Кефалонец отдернул виноватого Ликацаса за руку, швырнул его в угол, вышел и скоро вернулся с толстой веревкой, на которой вешают для просушки белье.

- На, возьми! - швырнул он ее матросу. Матрос, не выпуская племянника, подняв веревку, крепко сжал одной рукою шиворот и шею мальчика, а другою принялся жестоко обрабатывать несчастное тело своего родственника. Экзекуция отличалась таким варварством, что весь класс в один голос закричал:

- Довольно! Довольно!

Почти все плакали. Учитель, в свою очередь, крикнул:

- Довольно! Убьешь!

Но расходившегося грека урезонить было нелегко. Пришлось тоже прибегнуть к силе. Вучина и старшие ученики отняли у него и веревку и племянника. Брошенный дядею мальчуган лежал на полу без движения. Из рта и из носа у него сочилась кровь.

- Убил! - разнеслось по классу.

Учитель тоже побледнел и крикнул матросу:

- Ты его убил! Ты осквернил мою школу!.. Вокруг злополучного мальчугана столпилась почти

вся школа, бледная, испуганная и трепещущая. Матрос тоже смотрел тупо и с недоумением на неподвижное тело. Вучина в волнении хрустел пальцами.

- Убил, убил, убил... - стоял в воздухе шепот.

Ни младшие, ни старшие не знали, что делать. Прошло минут пять. Избитый мальчик глубоко вздохнул и пошевелил рукою. Его сейчас же подняли и посадили на конец парты. Он осмотрелся мутными глазами и, положив руки на парту, а голову на руки, затих. Кто-то догадался принести воды. Ему дали сделать глоток из ковша, а остальное вылили на голову. Понемногу он начал приходить в себя.

Матрос, не говоря ни слова, надвинул на голову шапку, энергично плюнул на пол и вышел. Вучина, чтобы замять скандал и дать общему настроению другое направление, проявил необычайную энергию и начал спрашивать у учеников уроки с таким вниманием, с каким, казалось, никогда еще не спрашивал. Через час все пришло в норму. Константин Пиратис очнулся и оправился. Его тотчас же отпустили домой. Занятия пошли своим порядком. Кефалонец, окончив спрашивание уроков, задал всем чистописание и уже хотел уходить, по

обыкновенно, к себе, но тут вдруг вспомнил, что есть еще другой виноватый в том же грехе, но еще не понесший заслуженного наказания, - Александрос Ликацас.

Оставить его без наказания было невозможно, да, кстати, вышло бы и несправедливо: одного чуть не убили до смерти, а другому все это сойдет с рук даром! Нет. Так нельзя. Нужно, чтобы он почувствовал, как опасно манкировать (*Манкировать - пренебрегать*) уроками. Надо, чтобы и он получил возмездие...

Но какое и в каком виде? Поставить на колени на лестницу с позорными дощечками и коцгерю - старо. Оставить без обеда - тоже старая история. Нужно что-нибудь поновее и повнушительнее, чтобы почувствовала вся школа.

Николай Спиридонович задумался. Решение задачи, однако же, подвернулось скоро. Изобретательность сделала свое дело. Не долее, как через пять минут, были принесены три полотенца. Их скрутили жгутами, обвязали вокруг талии Ликацаса и в таком виде повесили его на оконной ставне, зацепив петлю полотенца за ее верхушку. Вышло и назидательно, и строго, и безвредно для здоровья. Виновный никаких увечий и членовредительства не претерпел, но страха натерпелся достаточно. Это было видно уже из того, что он, ревивший при начале экзекуции во всю глотку, очутившись на воздухе, затих и лицо его изображало один лишь сплошной и неопикуемый ужас. Пробыл он в висячем положении не более двух-трех минут, но они показались ему вечностью...

Будет помнить долго...

VI

Но не всегда кефалонец оказывался строг. Бывали недели, когда он был кроток и добр и не только не отжаривал учеников по рукам линейкою и не давал им оплеух, но даже снисходил до того, что поглаживал некоторых мальчуганов по головке. Чем вызывались эти приливы кротости, не знал никто. Вся школа в такие «добрые» промежутки оживала и дышала свободнее.

Но юные натуры всегда остаются юными, и от шалостей молодежь не отказывается никогда. В один из таких добрых промежутков ученики пятого класса совершили выходку, испортившую все дело и повернувшую настроение учителя опять на старый строгий лад.

Одна из дверей классной комнаты вела в то необходимое помещение, без которого не обходится ни одно жилье. Этим помещением пользовались одинаково как ученики, так и учитель, но только учитель держал свое отделение на замке.

В один довольно пасмурный и нагонявший угрюмое настроение день помощник учителя - Спиро, побывав в этом местечке, подошел к Николаю Спиридоно-вичу и сказал по-гречески:

- Пойдем-ка, я тебе покажу нечто интересное.

Вслед за этим они оба удалились туда, откуда только что вышел Спиро, и менее чем через пять секунд Вучина вылетел, взбешенный донельзя.

- Кто осмелился написать? - закричал он, вращая белками.

Ответа не последовало.

- Вы молчите? Хорошо же! - прошипел он, захлебываясь от гнева. - Это сделал кто-нибудь из пятого класса... Я найду виноватого... Антонопулос, ступай к доске и напиши слово «дидаскалос» (учитель).

Антонопулос исполнил это. Учитель всмотрелся в его почерк и сбегал свериться.

- Что там такое написано? - осведомились встревоженные ученики у Спиро.

- Там какая-то скотина написала на стене мелом: «Дидаскалос треллос» (учитель дурак), - ответил добродушный Спиро.

Возвратившийся с ревизии (*С ревизии - с проверки*) учитель стал вызывать поочередно к доске остальных учеников, прихватывая кое-кого и из четвертого класса.

- Вогазинос, напиши ты «дидаскалос»!.. Диамандидис, иди ты и напиши то же слово... Магулас, пошел к доске ты...

Все писали, и учитель с тщательностью эксперта сверял почерки и старался открыть виновного. Один из учеников, памятуя фразу, произнесенную устами Спиро, вздумал было на-

писать ее целиком, но лишь только вывел первые буквы: «трел...» (дур...), как сподобился пощечины.

Перебрав и сличив все почерки и сбежав еще раз пять или шесть сверить с подлинною фразою, кефало-нец решил, что дерзким злоумышленником должен быть не кто иной, как Фекиакис. Напрасно бедняга божился и клялся, что он не писал ни одной буквы и что его почерк совсем иной. На него посыпались оплеухи и щелчки без счета. Он едва успевал прикрывать голову руками.

Но оскорбление не могло быть смыто одними только колотушками. Оно было слишком глубоко. Немезида (*Немезида - в древнегреческой мифологии богиня возмездия*) требовала мщения, соответствующего вине. Фекиакиса увешали позорными досками, привязали к спине накрест кочергу и ухват и в таком виде поставили на стул, как на лобное место, перед кафедрой. Так он простоял до самого конца дневных занятий в школе. В этот день учеников распустили по домам не всех сразу, а поодиночке. Каждого ученика в отдельности Спиро и Вучина подводили к виновнику и приказывали:

- Скажи «мерзавец» и плюнь ему в лицо.

Ученики в готовности выполняли приказ, и только после этого их выпускали в переднюю одеваться. Антон Павлович тоже исполнил этот обряд оплевания и долго потом помнил его, хотя и не любил вспоминать о нем, как о гнусном надругательстве над человеком из чувства личной мести.

Фекиакис простоял на стуле трое суток. Его отпускали домой только на один час, пообедать. Вся эта печальная история закончилась еще более печальным финалом (*Финал - конец*). Вскоре после этого происшествия вышел из школы самый старший по возрасту ученик, двадцатилетний Антонопулос. Ему стало уже невозможно сидеть на школьной скамье. Уходя и прощаясь с товарищами, он с злым смехом заявил:

- А ведь эту фразу: «дидаскалос треллос», написал не Фекиакис, а я...

Кефалонец заскрежетал зубами, но уже было поздно. Антонопулос уже не был учеником школы и в случае сведения личных счетов мог бы постоять за себя и ответить с лихвою...

Зимние месяцы прошли. Запахло весною - ароматною южною весною. Скоро в садах зацвели тюльпаны и сирень. Приближались экзамены. Павел Егорович ждал их с нетерпением и был вполне уверен, что Коля и Антоша перейдут в следующий класс. Но на деле оказалось, что они в течение всего года не только не учили таинственного «синтаксиса», но даже и не научились по-гречески ни читать, ни писать. Мечтам о конторе не суждено было осуществиться. Они разлетелись, как дым. Евгения Яковлевна, стоявшая за гимназию, и знакомые педагоги взяли верх. Павел Егорович вздохнул и ближайшей же осенью облек детей в гимназические мундиры. Антоша поступил в приготовительный класс.